

Н. А. Золотухина

Харьковская государственная академия дизайна и искусств

**«Страна друидов, снов и струн»:
проблемы интерпретации драматической поэмы Н.С. Гумилева «Гондла»**

Золотухина Н.А. «Країна друїдів, снів і струн»: проблеми інтерпретації драматичної поеми М.С. Гумільова «Гондла».

У статті запропоновано аналіз проблем інтерпретації драматичної поеми «Гондла» (1916). Показано, що важливу роль у творі відіграють інтертекст, стилізація, історико-культурний аспект. Особливо важливе концептуальне значення мають кельтські мотиви. За допомогою синтезу художніх елементів скандинавських саг й історичного часу драматичної поеми у «Гондлі» втілено оригінальну авторську концепцію. У жанровому відношенні драматична поема М.С. Гумільова «Гондла» сполучає стилізацію з міфопоетикою й інтертекстом, у підсумку породжуючи якісно нову поетику ХХ століття.

Ключові слова: інтертекст, міфопоетика, стилізація, друїдизм, стародавні північні саги, драма-сага.

Золотухина Н.А. «Страна друидов, снов и струн»: проблемы интерпретации драматической поэмы Н.С. Гумилева «Гондла». В статье предложен анализ проблем интерпретации драматической поэмы «Гондла» Н.С. Гумилева (1916). Показано, что важную роль в произведении играют интертекст, стилизация, историко-культурный аспект. Особое концептуальное значение имеют кельтские мотивы. При помощи синтеза художественных элементов скандинавских саг и исторического времени драматической поэмы в «Гондле» воплощена оригинальная авторская концепция. В жанровом отношении драматическая поэма Н.С. Гумилева «Гондла» сопрягает стилизацию с мифопоэтикой и интертекстом, в итоге порождая совершенно новую поэтику ХХ века.

Ключевые слова: интертекст, мифопоэтика, стилизация, друидизм, древнесеверные саги, драма-сага.

Zolotukhina N.A. «The country of Druids, dreams and strings»: problems of interpretations dramatic poem N.S. Gumilev «Gondla». The article analyzes the problems of interpretation of the dramatic poem «Gondla» N.S. Gumilev (1916). The article shows that the intertext, stylization, historical and cultural aspects play an important role in this work of literature. Of particular importance are the conceptual Celtic motifs. With the help of synthesis artistic elements of Scandinavian sagas and historical time of the dramatic poem the original concept is embodied in the «Gondla». In terms of genre dramatic poem N.S. Gumilev «Gondla» stylization matches with mythopoetics and intertext, eventually giving rise to a completely new poetics of the XX century.

Key words: intertext, mythopoetics, stylization, druidism, ancient nonhermsagas, drama-saga.

Художественное наследие Н.С. Гумилева настолько многогранно, что некоторые его составляющие, в том числе и драматургия, все еще остаются недостаточно изученными. Между тем, к драме поэт обращался на протяжении всего творческого пути. Им было создано 9 пьес разного формата: «Дон Жуан в Египте. *Одноактная пьеса в стихах*» (1911) (здесь и далее – курсив мой Н.З.), «Обед в Бежецке» (1912), «Игра. *Драматическая сцена*» (1912), «Актеон. *Одноактная пьеса в стихах*» (1912), «Дитя Аллаха. *Арабская сказка в трех картинах*» (1916), «Гондла. *Драматическая поэма в четырех действиях*» (1916), «Отравленная туника. *Трагедия в пяти действиях*» (1917), «Дерево превращений. *Пьеса в трех действиях для детей*» (1919), «Охота на носорога» (1919). Кроме того известно 3 драматических фрагмента («Красота Морни», (1921), «Зеленый тюльпан» (до

1917), «Не нравится мне это, внук мой Куно...» (датировка не установлена)) и 2 киносценария («Жизнь Будды» (1920), «Гарун-аль-Рашид» (1921)), пьеса же «Шут короля Батиньоля» (1906) была утрачена.

На публикацию «Гондлы» в журнале «Русская мысль» в январе 1917 года первойкликнулась Л.М. Рейснер. Ее мнение интересно тем, что оно, судя по всему, прямо или косвенно было инспирировано самим Гумилевым. Проанализировав коллизию и образы героев, Л.М. Рейснер писала: «Начало религии и есть начало искусства» [13:456]. При этом она особо отмечала: «как ни ослепителен крест, он подчиняется законам старой, языческой правды, вещему обряду трагических игр» [13:457]. В первой половине 1920-х годов в специальных изданиях изредка упоминалось о «Гондле» (Ю.Н. Верховский

[13:505–549], Ю.И. Айхенвальд [13:492–504]), но затем на все произведения Гумилева в СССР опустилась завеса молчания. За рубежом Н.А. Оцуп назвал «Гондлу» «лучшей из больших вещей Гумилева» [14:212] и усматривал в ней, прежде всего, автобиографическую составляющую.

В наше время интерпретаторы пьесы, как правило, ограничиваются пересказом фабулы и комментированием сюжетных линий, выделяя одну или несколько тем, которые, с их точки зрения, являются определяющими для ее понимания. Диапазон таких тем чрезвычайно широк, что приводит к различным, а иногда и полярно противоположным, интерпретациям произведения. Так, одними учеными главный конфликт «Гондлы» понимается как столкновение коренного зла с коренным добром, войны и мира, души и тела, силы и слабости, веры и безверия, христианства и язычества, выделяются темы «гиератической» роли поэта, лирического героя и его «волшебной лютни» и др. (В.М. Сечкарев [16], Е.М. Терновский [3:464], Д.И. Золотницкий [7:22], И.В. Делич [5:499]). Другие исследователи усматривают в «Гондле» апологию экзистенциального убийства (В.К. Лукницкая [10:197]), демонический карнавал оборотней (С.Л. Слободнюк [17:104]), интерес Гумилева к «нетрадиционной» половой тематике: андрогинству, гермафродитизму и гомосексуализму (С. Карлинский [3:466]). Третьи акцентируют внимание на том, что драматическая поэма Гумилева – попытка отождествления славянского духа с кельтским (Д. Рейфилд [3:466]), переоценка «парадоксов русской идеологии» (Э. Томпсон [3:466], Э. Русинко [3:466]). Соглашаясь с правоммерностью многих из этих ракурсов рассмотрения, все же следует признать, что суждения о драматической поэме Гумилева не всегда достаточно аргументированы.

Среди наиболее адекватных, с нашей точки зрения, истолкований «Гондлы» следует отметить статью Ю.В. Бабичевой, в которой ее жанровая специфика довольно точно определяется как драма-сага. Особо отмечая высочайший уровень стилизации в пьесе, Ю.В. Бабичева пишет: «„Гондла” – реконструкция утраченного искусства рассказывания, с его ярко выраженным пафосом высокого назидания, пророчества, с повествовательными ретроспективами и волшебнo-фантастическими вставками, приоткрывающими мир личности рассказчика (рассказчиков)» [1:259].

На фоне весьма разнообразных трактовок драматической поэмы Гумилева выделяется сходство интерпретаций образа Гондлы как положительного героя. Видимо, такое осмысление в первую очередь связано с тем, что Гондла – скальд, поэт. Например, О.В. Страшкова считает, что Гондла «превращается в жреца силой творчества, перевоплощая людей и очищая их души, прикасаясь к тайнам природы, воспроизводя архаический ритуал» [18]. Подобный взгляд на

героя характерен для В.М. Сечкарева [16:22], С.В. Колосовой [9:216] и др. Смерть же Гондлы трактуется учеными как искупительная жертва во имя жизни вечной и христианства.

Такие интерпретации, на наш взгляд, представляются весьма спорными, поскольку «архаический ритуал» и «прикосновение к тайнам природы» совершают иные герои драмы. «Сила творчества» Гондлы в пьесе тоже не демонстрируется – мы узнаем о ней опосредованно, со слов самого героя о его «лебединых песнях». Акт ликантропии, конечно, можно трактовать как «перевоплощение людей» в волков, однако идет ли здесь речь об «очищении душ»? Все это заставляет еще раз обратиться к анализу драмы-саги.

«Гондлу» предвдваряет эпиграф, задающий историко-культурный вектор в интерпретации пьесы, – цитаты из книги С.Н. Сыромятникова «Сага об Эйрике Красном» (1890) и статьи Э. Ренана «Поэзия кельтской расы» (1854). Он поясняет, что действие разворачивается в Исландии, где в IX веке столкнулись две культуры: норманнская и кельтская, предопределив дальнейшую историю острова – духовной борьбы меча с Евангелием, воинов-викингов и кельтских богатырей. Драматическая поэма «Гондла» выстроена в соответствии с классическими канонами пьесы, состоящей из четырех действий: экспозиции, завязки, развития действия, кульминации, развязки и эпилога. При этом пьеса имеет монтажную композицию, включающую несколько сюжетных линий (историю заключения союза между лебедями и волками, историю о невинной и искупительной жертве и пр.) [8:66–67].

Об отношении к поэзии и поэтам Гумилева К.И. Чуковский писал: «Вера в волшебную силу поэзии, когда „солнце останавливали словом, словом разрушали города”, никогда не покидала Гумилева, в ней он никогда не усомнился. Отсюда, и только отсюда, то чувство необычайной почтительности, с которым он относился к поэтам, и раньше всего к себе самому, как одному из носителей этой могучей и загадочной силы...» (цит. по: [10: 218]). Замечено и то, что главные герои трех драматических произведений Гумилева – поэты. В арабской сказке «Дитя аллаха» (1916) – Гафиз – величайший лирик мировой литературы, персидский поэт и суфийский шейх. В «Отравленной тунике» Гумилев пишет: «Имр, арабский поэт» [3:161]. В драматической же поэме «Гондла» автор считает необходимым уточнить: «Гондла – ирландский королевич на воспитании у конунга» [3:101]. Таким образом, Гондла для Гумилева не поэт, а лишь претендент на престол Исландии.

Далеко не бесспорен и взгляд Н.Б. Граматчиковой [2] на «хриstopодобность» Гондлы: проецирование самоубийства Гондлы во имя крещения заблудших язычников на жертву Спасителя во имя рода человеческого. Заметим, что

для православных христиан такое сопоставление, по крайней мере, богоугодно и кощунственно, поскольку самоубийство – не только непрощаемый грех, но и неизбежный исход богоотступничества. Там, где человек отвергает Бога, Его место заступает дьявол. Гумилев же признавался: «У меня русский характер, каким его сформировало православие» [12:302–303]].

Для русского человека и писателя был весьма интересен образ могучего и гордого северного народа, исторически причастного к становлению государственности и принятию христианства на Руси. Поэтому «северные», скандинавские мотивы принадлежат к числу весьма распространенных в творчестве русских поэтов. В художественном мире Гумилева мотив кельтского мира является постоянным, отразившимся на всех этапах творчества. Не случайно В. Рудинский, анализируя кельтские мотивы в русской литературе, особенно выделяет Гумилева, который, по выражению исследователя, «имел привычку, убийственную для обычно мало культурных критиков! – говорить о вещах, которые знал до глубины» (цит. по: [3:451]).

В начале XX века кельтская культура вызвала необычайный всплеск интереса в странах, принадлежащих некогда к кельтскому миру (Ирландии, Британии, Франции, Германии), а, опосредованно, и в России [6]. Судя по всему, Гумилева возрождающийся ирландский дух интересовал как одна из составляющих духа русского, поскольку, как известно, ирландские миссионеры оказали несомненное влияние на христианизацию древней Руси. Кроме того, для «русского друида» Гумилева, развивавшего теорию о друидическом происхождении поэзии, воспринимавшего поэзию как духовное родство всех поколений поэтов, а Россию как кровно связанную с миром Скандинавии, Ирландия стала символом святой земли, рождающей лебедей – боговдохновенных поэтов. Поэтому для понимания сути коллизий драматической поэмы и образа Гондлы необходимо учитывать специфику историко-культурного контекста – в частности, особенности христианизации Ирландии и Исландии, а также социального уклада жизни людей, проживавших на этих территориях. О том, что Гумилев до тонкостей разбирался в процессах, происходивших в этих странах, свидетельствует 1-й вариант драматической поэмы.

Христианизация в IV–V веках Ирландии – Изумрудного острова, «страны друидов, снов и струн», острова «святых и ученых» – происходила мирно. Друидическое учение было воспринято как предвестие христианских заветов. В Ирландии явил себя уникальный симбиоз: друидизм был преобразен, урезан, но не отвергнут. Языческие божества зачастую причислялись к лику святых (например, Св. Бригита). Христос воспринимался ирландцами как одухотворенный поэт, отшельник, мыслитель и Друид Божий. В христианских текстах

Ирландии встречается именно такое, немислимое в других странах, обращение к Спасителю: «О, мой друид!», Спаситель, Господь, Творец всего сущего.

Исландия была открыта в VIII веке ирландскими монахами, а в IX веке ее стали заселять норманны. Христианизация Исландии прошла стремительно. Как пишут историки – обращение исландцев в христианскую веру – одно из самых странных событий в истории христианской миссии. Без большого принуждения и помощи извне исландцы на ежегодном собрании, Альтинге, в 999 или 1000 году приняли решение принять христианство. В IX веке (указанном Гумилевым как время событий, описанных в «Гондле») и на протяжении всего X века большая часть населения Исландии оставалась языческой. Упоминание в пьесе битвы при Вертрафире в Ирландии, «Саги об Эйрике Красном», саги «Выкуп головы» знаменитейшего исландского скальда Эгиля Скаллаграмсона позволяет уточнить, что время действия драматической поэмы в традиционной исландской периодизации обозначается как Век Саг (930 – 1030 гг.).

Особый интерес в контексте нашего исследования представляет этимология слова «варяг». Ученые обращают внимание на несомненное сходство слов: скандинавский викинг и древнерусский витязь. Древнее северогерманское слово «вிகья» означало «схватить, что удастся» [19]. Среди норманнов развилось варяжество как военное наемничество, занятие разбойными набегами с целью грабежа. В.Н. Татищев писал, что у шведов «варг зовется волк, образно разбойник» [19]. По летописцу, древляне, убив варяжского князя Игоря, объявили княгине Ольге: «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил» [19]. В парадигме: викинг – варяг – ворог – варг – волк, слово «волк» может иметь дополнительное значение: волк – *volk* – народ.

Важным для трактовки образа главного героя оказывается социальный уклад жизни Исландии, вобравший в себя традиции Скандинавии. Эпоху викингов называют «обществом свободных людей», воплотившем идеи эгалитаризма. В средневековой Исландии, стране, в которой вырос и был воспитан Гондла, действовал свод законов Grágás («Серый гусь», XIII в.), содержащий положения, уходящие корнями в далекое прошлое. Ученые, комментируя законы и уклад жизни Исландии, указывают на их существенное сходство с Киевской Русью [20].

Законы эти были нерушимы для всех, независимо от социального положения гражданина. Однако Гондла, будущий король, не только их игнорирует, но и требует к себе особого отношения. Например, в «Сером Гусе» скрупулезно прописан процесс законодательства. Для нашего исследования оказывается принципиальным, что

любое решение, любой закон (в пьесе – судебный вердикт, касающийся наказания обидчиков Гондлы) предается гласности не только в определенном для этого месте, Lögberg («у скалы законов»), но требует особого времени суток: не позднее, чем солнце будет видно с «места законоглашатая», дабы яснее можно было разглядеть истину. Этот ритуал в некоторой мере проясняет суть спора Конунга и Гондлы. Конунг категорически отказывается вершить правосудие ночью:

«Разве может быть суд пред рассветом?

Солнце – лучший свидетель судьи.

Королевич, подумай об этом,

Отложи обвиненья твои» [3:116].

В законах был зафиксирован строжайший запрет на сочинение хулильных (нидов) и любовных (мансёнга) стихов. Считалось, что нид – магическое проклятие, вне зависимости от того, произнесен ли он, либо запечатлен виде рунической надписи. «Никто не должен сочинять ни хвалу, ни хулу одругом», – говорится в Грагасе [11:57]. Однако существовали исключения из правил. Например, нид сочиняли для того, чтобы изгнать чужеземных правителей из страны (Сноррри Стурлусон «Сага об Олаве Трюггасоне» «Круг Земной» (1220–1230), нид Эгиля об изгнании конунга Эйрика) [11:81]. Нид обладал страшной разрушительной магической силой: он пробуждал духов – покровителей страны. В исландских сагах встречается слово «нидинг», связанное с выражением моральной оценки человека. Нидинг – человек, заслуживающий презрения вне зависимости от того, рассматривалось ли совершенное им преступление в юридическом смысле слова. «Величайшим нидингом» считался человек, который предал своего благодетеля; «большой нидинг» – это человек, погубивший своего родича, чтобы заполучить его жену. «Всем людям нидинг», нидинг из нидингов – человек, который не мог отомстить («Сага о Ньяме»), или не осмеливался принять вызов на бой («Сага об Эгиле»). Страшным оскорблением было сравнение мужчины с женщиной. Человек, обвиненный в женоподобии, вызываемый на поединок, должен был или принять вызов или стать нидингом и подвергнуться публичному остракизму [11:83].

Представляется, что рецепция Гумилевым положений законов Grágás («Серый Гусь») в полной мере актуализирована в его драматической поэме. Так, в первой сцене второго действия описан суд над насильником жены Гондлы – Леры. Гондла требует жесточайшей расправы:

«Привяжи его к конским хвостам,

Чтоб его ненасытное тело

Разметало по острым кустам» [3:118].

Снорре (ярл и опытный воин) предлагает Гондле поступить, как мужчине, в соответствии с кодексом чести:

«Повелось по старинным обычаям,

Если двое полюбят одну,

То, не внемля причудам девичьим,

Начинают друг с другом войну» [3:119].

Груббе (старый викинг) вторит ему:

«Если люди людей не рассудят,

Их наверно рассудят мечи» [3:119].

Конунг, соблюдая обычаи Исландии и поддерживая своих ярлов, говорит о том, что самое справедливое решение – честный бой, когда «выходят герой на героя, и копьё не бежит от копья» [3:120]. При этом он еще надеется на то, что Гондла станет настоящим вождем викингов, способным объединить две страны. Гондла вызов на честный бой не принимает:

«Я горбат, вы забыли про то.

По закону калеку не может

К поединку принудить никто» [3:120].

Конунг прямо называет Гондлу трусом:

«Почему же бывает так трудно

Трусу панцырь надеть боевой?» [3:121].

Для истинно верующего христианина важен лишь Божий суд. «Господь за меня, не утрашусь: что сделает мне человек?» (Пс.90). А Гондла трусит, грозит покончить жизнь самоубийством, т.е. погубить свою душу для жизни вечной во Христе.

В ответ Конунг, в соответствии с ритуалом, обвиняет Гондлу в женоподобии:

«Не любовник, не царь и не воин...

Бьется ль сердце в подобной груди?

Ты короны своей недостоин,

Мы тебя не хотим. Уходи!» [3:121].

Лаге добавляет:

«Где ты принцев видал, что умели

Лишь судиться, играть и рыдать...» [3:122].

Не захотев отстоять свое достоинство и мужскую честь, Гондла, в соответствии с законами Ирландии, становится не только нидингом, посмешищем, изгоем, но и позором своей родины. Народная мудрость гласит: «Трусливый воин после не знающего друида и солгавшего короля – третье бедствие Ирландии» [4]. Невозможно представить, что викинги-волки добровольно станут подчиняться трусливому правителю-чужеземцу. Ярлы начинают магическое действие коллективного нида-проклятия, привлекая силы языческих богов-покровителей страны, желая навсегда избавиться от Гондлы, желая ему смерти:

«Все они собрались в ожиданьи,

Помнишь старый заброшенный ров,

Там колдун говорит заклинанье,

Чтоб совсем превратить их в волков.

Красной кровью наполнятся чаши

Что-то варится в медных котлах» [3:129].

Поэзия и любовь – вот на чем, по мнению Гумилева, держится жизнь. В тексте драматической поэмы не представлено ни одного образца «лебединых» песен главного героя. В сцене, когда отказавшийся от поединка на мечах Гондла

вызывает своего противника Лаге на поэтический поединок, звучат такие слова:

«Осужденный судебным решением,
Опрокинутый вражьем мечом,
Эгиль голову выкупил пеньем

Пред норвежским представ королем» [3:122].

Попытки «выкупа головы» (стремление обрести свободу и жизнь, пробудить в викингах-волках человеческое) демонстрирует полную неспособность Гондлы к творчеству. Его жалкие потуги, напротив, становятся толчком, вызывающим бурю агрессии оппонентов. По сути дела, именно Гондла запускает страшный механизм превращения людей в зверей.

Представляется, что в «Гондле» отозвались отголоски полемики о вере и безверии, волновавшие русскую общественность в начале XX века, – речь шла о преодолении «старой», «традиционной» воцерковленности и создании «нового религиозного сознания» как альтернативы «сознанию старому», т. е. православному. В центре авторского внимания – пределы человеческой свободы, возможностей, нравственных начал, проблемы апостасии, безверия, отчаяния, одиночества человека в мире, в обществе, трагизм бытия и др. Гумилев стремился определить собственные нравственные и философские приоритеты, объяснить свое отношение к искусству, религии, поэзии и месту поэта в мире – понимание высокого назначения поэзии и поэтического слова, призванных своим воздействием на человека и мир способствовать преобразению жизни, но подвергшихся измелчанию и обесцениванию в результате

трагического по своим последствиям общего упадка и измелчания современной жизни и культуры.

Стилизация под средневековые саги давала возможность поэту не только овладеть опытом древних бардов и скальдов, но и выразить свою жизненную позицию по отношению к острым проблемам литературного процесса рубежа XIX – XX веков. Н.А. Оцуп считал: «Поэзия <...> Гумилева очень часто воспевала фантастические лица или предметы. Воображение у него языческое, а сердце христианское. Здесь Гумилев как бы сходится с простыми людьми. Вспомним, что именно деревенские люди обращались в христианство последними.<...> Гумилев <...> имеет родственные черты с безыменными создателями славянских и в особенности кельтских мифов и легенд» [15:178].

Таким образом, при помощи синтеза художественных элементов скандинавских саг и исторического времени драматической поэмы в «Гондле» воплощена оригинальная авторская концепция. Символично-многозначный и полифункциональный художественный мир «Гондлы» порождает широкий спектр значений: от интимно-лирических и автобиографических до религиозных и философско-эстетических. Поэтому предложенные аспекты интерпретации, конечно же, не исчерпывают все эти значения и оставляют возможность для дальнейшего исследования драматической поэмы Гумилева.

Литература

1. Бабичева Ю.В. «Исторические» драмы Н.С. Гумилева («Гондла» и «Отравленная туника») // Русская драматургия и литературный процесс. – СПб.; Самара, 1991. – С.259.
2. Граматчикова Н.Б. Игровые стратегии Серебряного века (М. Волошин, Н. Гумилев, М. Кузмин): Автореферат дис. ... канд. филолог. наук. – Екатеринбург, 2004. – 16 с.
3. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10-ти т. Т.5: Пьесы (1911–1921) / Н. Гумилев. – М.: Воскресенье, 2004. – 520 с.
4. Гюйонварх К.-Ж., Леру Ф. Кельтская цивилизация [Электронный ресурс] / К.-Ж. Гюйонварх, Ф. Леру. – Режим доступа: <http://refdb.ru/look/1959612-pall.html>.
5. Делич И.В. Николай Гумилев // История русской литературы: XX век: Серебряный век. – М.: Изд. Группа «Прогресс» – «Литера», 1995. – С. 499.
6. Зобнин Ю.В. Гумилев – поэт православия / Ю.В. Зобнин. – СПб.: Изд. СПбГУП, 2000. – 384 с.
7. Золотницкий Д.И. Театр поэта // Н.С. Гумилев. Драматические произведения: Переводы: Статьи. – Л.: Искусство, 1990. – С. 3–38.
8. Золотухина Н.А. Интертекст и кинематографичность драмы Н.С. Гумилева «Гондла» // Вісник Харк. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – №1080: Сер. філологія. – Вип. 69. – Харків, 2013. – С. 66–68.
9. Колосова С.Н. Н. Гумилев: прозаик и поэт: Автореферат дис. ... канд. филолог. наук. – М., 1998. – 16 с.
10. Лукницкая В.К. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких / В.К. Лукницкая. – Л.: Лениздат, 1990. – 302 с.
11. Матюшина И.Г. «Магия слова»: скальдические хулительные стихи и любовная поэзия / И.Г. Матюшина. – М., РГТУ, 1994. – 128 с.
12. Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография / Сост. М.Д. Эльзон, Н.А. Грознова. – СПб.: Наука, 1994. – 679 с.
13. Н.С. Гумилев: pro et contra: Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Сост., вст. ст., прим. Ю.В. Зобнина. – 2-е изд. – СПб.: Изд. РХГИ, 2000. – 671 с.
14. Оцуп Н.А. Океан времени / Н.А. Оцуп. – СПб.: Логос, 1993. – 616 с.
15. Оцуп Н.А. Николай Гумилев: Жизнь и творчество / Н.А. Оцуп. – СПб.: Логос. – 1995. – 200с.

16. Сечкарев В.М. Гумилев – драматург [Электронный ресурс] / В.М. Сечкарев. – Режим доступа: <http://www.gumilev.ru/about/1/>.

17. Слободнюк С.Л. Н.С. Гумилев. Проблемы мировоззрения и поэтики / С.Л. Слободнюк. – Душанбе, 1992. – С. 104.

18. Страшкова О.К. Воплощение неомифологического сознания акмеистов в драматургических произведениях Н. Гумилева: [Электронный ресурс] / О.К. Страшкова. – Режим доступа: <http://www.gumilev.ru/about/64>.

19. Татищев В.Н. История Российская: [Электронный ресурс]: / В.Н. Татищев / Режим доступа: <http://tatischev.lit-info.ru/tatischev-istoriya-rossijskaja-1/varyagi-kakoj-narod-i-gde-byt.htm>

20. Успенский Ф.Б. Скандинавы – варяги – Русь: Историко-филологические очерки: [Электронный ресурс] / Ф.Б.Успенский. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ouspensky2.htm>.